

Litera

Правильная ссылка на статью:

Куц Н.В. — Е. Ф. Розен в пушкинском "Современнике" // Litera. – 2023. – № 8. DOI: 10.25136/2409-8698.2023.8.43940 EDN: XBUYOX URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=43940

Е. Ф. Розен в пушкинском "Современнике"

Куц Николай Викторович

аспирант, кафедра истории русской литературы, Московский государственный университет имени
М.В. Ломоносова

119234, Россия, г. Москва, ул. Ленинские Горы, 1

✉ nikolai-kuts@yandex.ru

[Статья из рубрики "Литературоведение"](#)

DOI:

10.25136/2409-8698.2023.8.43940

EDN:

XBUYOX

Дата направления статьи в редакцию:

01-09-2023

Аннотация: Предметом исследования являются литературные связи барона Е. Ф. Розена (1800–1860) – поэта, драматурга, переводчика и критика, автора либретто к опере М. И. Глинки "Жизнь за царя" (1836) – с пушкинским кругом. Объектом исследования стала история сотрудничества Розена в "Современнике" (1836). Материалом послужили публикации Розена в пушкинском журнале и его переписка 1830-х гг. Особое внимание уделяется пушкинским оценкам творчества Розена. Анализируются произведения Розена, опубликованные в "Современнике": статья "О рифме" и фрагмент из исторической трагедии "Дочь Иоанна III". Рассматривается, какие из материалов писателя Пушкин напечатал, а какие отклонил, соотносясь с программой журнала. Новизна исследования заключается в целостном анализе участия Розена в пушкинском "Современнике", прежде не проводившемся. В результате выясняется близость Розена с Пушкиным и его окружением в некоторых литературных оценках (проблема безрифменного стиха, творчество Н. В. Кукольника). Показывается, что острополемические статьи Розена Пушкин не принимал, не желая превращать "Современник" в площадку для журнальной брани. Вместе с тем Пушкин неподдельно интересовался драматургическим творчеством Розена. Он поместил в журнале отрывок из трагедии "Дочь Иоанна III", в котором Иоанн III и Аристотель Фиораванти ведут беседу о политике, вероятно, заметив в нем переклички с "Борисом Годуновым".

Ключевые слова:

Розен, Пушкин, Киреевский, Кукольник, литературная критика, рифма, литературные отношения, журнал, Иван III, Борис Годунов

Среди сотрудников журнала А. С. Пушкина «Современник» можно найти не только писателей первой величины, но и «второстепенных» литераторов. Один из них, барон Егор Федорович Розен, исторический драматург и либреттист оперы М. И. Глинки «Жизнь за царя», на протяжении 1830-х гг. был довольно близок к Пушкину и его ближайшему окружению [\[3, с. 342\]](#). С Пушкиным он познакомился, вероятно, между 24 и 27 февраля 1829 г., после чего вошел в круг А. А. Дельвига и стал принимать деятельное участие в «Литературной газете» и альманахе «Северные цветы» [\[4, с. 123-137\]](#). В борьбе «литературных аристократов» с «торговым направлением в словесности» Розен занимал позицию пушкинского круга.

В этой статье мы попробуем подробнее рассмотреть предысторию и характер сотрудничества Розена в «Современнике», особое внимание уделяя взаимоотношениям Розена с Пушкиным.

В первой половине 1830-х гг., после прекращения «Литературной газеты», пушкинский круг нуждался в собственном печатном органе. Задуманная Пушкиным политическая и литературная газета «Дневник», на которую было получено разрешение в 1832 г., не состоялась [\[13\]](#). В течение 1832–1833 гг. Пушкин, Жуковский и Вяземский представляли правительству проекты журналов, но их попытки не имели успеха [\[6, с. 3\]](#).

Когда осенью 1831 г. стало известно о замысле И. В. Киреевского издавать журнал под названием «Европеец», новость была воспринята в пушкинском окружении с воодушевлением. Молодой редактор хотел «сплотить вокруг журнала писателей пушкинского круга, сделать новый печатный орган знаменем пушкинского направления в литературе и журналистике» [\[23, с. 419\]](#). На выход «Европейца» отозвались Жуковский, Пушкин, Языков, Баратынский, А. И. Тургенев, В. Ф. Одоевский, О. М. Сомов [\[2, с. 119\]](#). В начале 1832 г. вышли первые два номера.

Пушкин писал Киреевскому 4 февраля, отправляя ему отрывок из повести «Домик в Коломне»: «Дай бог многие лета Вашему журналу! Если гадать по двум первым №, то “Европеец” будет долголетен. До сих пор наши журналы были сухи и ничтожны или дельны да сухи; кажется, “Европеец” первый соединит дельность с заманчивостью» [\[17, с. 9\]](#).

Близкую мысль высказывал и Розен в письме от 1 февраля. Он горячо приветствовал выход журнала и замечал: «Ваше литературное предприятие обратило на Вас внимание благомыслящих людей, желающих добра нашей бедной словесности; но в особенности мы — пишущая братия — радуемся Вашему “Европейцу”! Дотоле не было ни одного журнала, мнением коего могли мы дорожить: всегда — либо глупая хвала, либо глупая личность! Теперь мы ждем от Вас дельных рецензий, или — если наши творения еще не стоят того, — по крайней мере, доброжелательных замечаний. Нам не надо хвалы, нужна только истина» [\[19, л. 1\]](#).

«Дельность» — одно из главных достоинств нового журнала для Пушкина и Розена.

Жуковский, благословив Киреевского на издание, также замечал: «В душе уверен, что он может быть дельным писателем и что у него дело будет» [\[23, с. 418\]](#).

Розен вместе с письмом послал Киреевскому «Баядеру» — перевод стихотворения Гете «Der Gott und die Bajadere» («Бог и Баядера», 1797). Первоначально барон намеревался опубликовать его в своем альманахе «Альциона» на 1832 г., но стихотворение не пропустила цензура. Санкт-Петербургский цензурный комитет отметил, что в переводе «индийский главный бог “Магаде”, властитель земли, ниже названный всеведцем, нисшедший с неба для испытания людей, проводит ночь с распутною баядеркою, которую воспламеняет чистейшей любовью, что производит страшное смешение понятий божества и разврата» [\[9, с. 923\]](#). Розен надеялся, что московская цензура пропустит стихотворение, но на всякий случай писал Киреевскому, что если перевод «не годится», доставит редактору что-нибудь другое. Но напечатанной «Баядеру» Розен так и не увидел — на третьем номере «Европеец» был запрещен за статью Киреевского «Деятельный век».

«Европеец», на который возлагались большие надежды, был закрыт, но в пушкинском кругу продолжали думать о «дельном» издании, способном объединить близких по духу писателей. В декабре того же 1832 г. Розен звал своего приятеля С. П. Шевырева из Москвы в Петербург, сообщая: «Мы бы затеяли какой-нибудь дельный журнал, что есть общее желание» [\[8, с. 48\]](#).

Таким журналом спустя три года стал пушкинский «Современник». Поэт задумывал его как ежеквартальное издание, наподобие «английских трехмесячных Reviews» [\[18, с. 69\]](#). В первом же номере печатаются ближайшие на тот момент к Пушкину литераторы: Жуковский, Гоголь, Вяземский, Плетнев, А. И. Тургенев. Вместе с ними — Розен.

Розен отправил в «Современник» статью «О рифме», оригинальную как по тону, так и по основной идее. Это остроумная «пылкая инвектива» против рифмы в защиту белого стиха. Пушкин не случайно поместил перед ней «маленькую трагедию» «Скупой рыцарь», написанную безрифменным стихом [\[6, с. 25\]](#). Очевидно, великий поэт соглашался с основными положениями статьи, несмотря на некоторую парадоксальность розеновских суждений.

Углубляясь в историко-литературные изыскания, Розен обзорекает историю рифмы от древности до современности. Он отмечает, что рифма зародилась у арабов. «Поэзия евреев, индусов, греков, римлян и древних скандинавов не знала рифмы» [\[22, с. 138\]](#). Русский народ издавна знал и любил рифму в своих пословицах и поговорках, но в его фольклорных лирических песнях рифму можно встретить редко. Розен задается вопросом: почему русские, знакомые с рифмой, не использовали ее в песнях, — и отвечает: «От того, что считали ее *шуткою*, а шутить не думали своею песнею, т. е. священной истиною душевных излияний. Как балалайка и бубны ладят только с веселием русским, так и рифма согласуется только с красным словом русского балагура» [\[22, с. 139\]](#). Розен называет рифму «пустозвонной игрушкой», характерной для детства народов, и приходит к выводу, что рано или поздно в русской поэзии будет господствовать белый стих.

Помимо прочего, в статье Розена присутствует сквозная для «Современника» тема Петра I. «Мы говорили о нашей народной поэзии, — пишет Розен, — теперь поговорим о поэзии нашего просвещенного общества в отношении к рифме. Сие общество, могучим гением Петра отторгнутое от народного быта и посвященное в образованность европейскую, по стремительному пути нововведений обронило много русского, в том

числе и верную русскую оценку рифмы. Она из Польши вкралась в Москву. Кантемир, родом не русский, привил ее в нашей поэзии. Ломоносов, этот Петр нашей словесности, совершил исполинский подвиг установлением истинной версификации вместо ложной. Мог ли он совершить более при обстоятельствах, в каких находился? Марбург и тогдашняя немецкая литература не могли навести его на то, что он всего скорее мог бы узнать от русского простолюдина» [\[22, с. 148-149\]](#). Так, по Розену, появление рифмы в высокой поэзии было вызвано заимствованием европейской литературной традиции, преимущественно польской, а впоследствии немецкой, в то время как при естественном развитии русской литературы в этом роде возобладал бы безрифменный стих, как в народных песнях и былинах.

М. И. Гиллельсон справедливо отмечал: «Вероятно, рифма и белый стих не раз были предметом горячих споров в пушкинском кругу» [\[6, с. 25\]](#). Статья Розена, таким образом, была откликом на эти беседы. О том, что размышления Розена перекликались с мыслями великого поэта, свидетельствует статья Пушкина «Путешествие из Москвы в Петербург» (1833–1834), в которой поэт так писал о рифме: «Думаю, что со временем мы обратимся к белому стиху. Рифм в русском языке слишком мало. Одна вызывает другую. *Пламень* неминуемо тащит за собою *камень*. Из-за *чувства* выглядит непременно *искусство*. Кому не надоели *любовь* и *кровь*, *трудной* и *чудной*, *верной* и *лицемерной*, и проч.» [\[15, с. 263\]](#).

В 1836 г. Розен много и плодотворно общается с Пушкиным, о чем свидетельствуют его письма и воспоминания. Поэты вместе посещают «субботы» Жуковского, где Гоголь читает «Ревизора». В мемуарной статье «Ссылка на мертвых» Розен красноречиво описывает, как он искренне не понимал комизма гоголевской пьесы и не смеялся, когда смеялись все присутствовавшие на чтениях. Творчество Гоголя, в особенности его сатирическая сторона, встречает у Розена стойкое неприятие. Когда Пушкин поместил в третьем томе «Современника» повесть «Нос» с поощрительным издательским примечанием, Розен протестовал: как великому поэту мог понравиться этот «пустейший, непонятнейший фарс» [\[21, с. 286\]](#)? В одну из суббот, возвращаясь домой Розен откровенно разговаривает с Пушкиным о Гоголе и «Ревизоре»: «Я признался, — пишет он в воспоминаниях, — во всех тяжелых, до ужаса доводивших меня впечатлениях от этой комедии» [\[21, с. 285\]](#). Мнения Пушкина, высказанного в ответ, Розен не передает, поскольку поэт просил оставить его в секрете.

В первой половине 1836 г. Розен полон энтузиазма в связи с выходом пушкинского журнала. Два раза, 4 февраля и 19 апреля, он вместе с письмами посылает Пушкину свои стихи, но в строгом к поэзии «Современнике» они не появляются — по-видимому, Пушкин их вежливо отклоняет. Не была напечатана и задуманная Розеном статья с «разбором критики наших современных критик, помещенной в «Сыне отечества»» [\[18, с. 382\]](#). Понимая, что Пушкин стремился избежать острополемических статей — сам формат «Современника» не подходил для продолжительной журнальной полемики, тем более в журнале уже была напечатана большая статья с критикой направления современных журналов («О движении журнальной литературы» Гоголя) — Розен в конце февральского письма подчеркивает: «Я слишком уважаю Ваш журнал, чтобы сделать из него отдушину моего негодования» [\[18, с. 382\]](#).

Другая критическая статья, которую Розен собирается направить в «Современник», — статья о Н. В. Кукольнике. 4 февраля барон сообщает Пушкину, что намеревается написать ее, чтобы «доказать вышеупомянутому автору, что все, им написанное, не

многого стоит и что он не овладел даже техникой драматического действия; напасть беспощадным образом на избранный им злополучный жанр, принимая во внимание, что у него есть талант, который, будучи усовершенствован, мог бы, быть может, возвыситься над его бледной посредственностью нынешнего дня» [\[18, с. 382\]](#). В том же письме Розен замечает, что они с Пушкиным «придерживаются почти одинаковых мнений» о Кукольнике [\[18, с. 382\]](#), и поэтому он не видит преграды к напечатанию статьи. Пушкинская ироническая оценка Кукольника хорошо известна: «А что, ведь у Кукольника есть хорошие стихи? Говорят, что у него есть и мысли» [\[11, с. 178\]](#). Розен наверняка знал это мнение. Тем не менее, предложение барона Пушкин также отклоняет.

Стоит отметить, что с течением времени отношение Розена к Кукольнику, своему главному сопернику на драматическом поприще, менялось — оно колебалось от почти восторженного до уничижительного. Кукольник дебютировал в розеновском альманахе: в «Альционе» была опубликована первая его законченная пьеса «Тартини» [\[12, с. 212–215\]](#). Еще в июне 1833 г. Розен в письме к Пушкину так писал о Кукольнике, с которым тогда поддерживал знакомство: «Читали ли вы “Тасса” Кукольника? Это не драматическое произведение, но сочинение весьма примечательное богатством и красотой мыслей. На этих днях он прочтет мне другую пьесу своего сочинения! (“Джюлио Мости”)» [\[17, с. 317\]](#). В 1850-е гг. Розен в письме к Булгарину называет Кукольника уже не иначе как «золотарем материи низких произведений».

Из всего предложенного Розеном Пушкину, помимо статьи «О рифме», попадает в «Современник» отрывок из его трагедии «Дочь Иоанна III». 19 апреля 1836 г. Розен посылает его Пушкину. В письме он сообщает: «Я замышляю статью столь же странную, как и статья о рифме; я ничего вам о ней не скажу; напишу ее, принесу к вам — и мы вместе над ней посмеемся» [\[17, с. 388\]](#).

Спустя месяц, 19 мая, Розен отправляет с письмом к В. Ф. Одоевскому, исполнявшему обязанности редактора, пока Пушкин был в Москве, какую-то статью для второй книжки «Современника» («Если годится, напечатайте! если же нет, так бросьте!» [\[10, с. 128\]](#)). Комментаторы этого письма в «Литературном наследстве» предположили, что Розен послал Одоевскому отрывок из «Дочери Иоанна III», действительно напечатанный во втором томе «Современника». Нам же представляется, что речь идет о каком-то другом материале (отрывок из трагедии уже был отослан Пушкину), тоже оставшемся неопубликованным — возможно, о той самой «странной статье».

Помещенный во втором номере «Современника» отрывок из «Дочери Иоанна III» — трагедии, которую Розен считал лучшим своим произведением, — представляет собой диалог великого князя Иоанна III с итальянским архитектором Аристотелем Фиораванти. Разговаривают они о политике: Иоанн III интересуется, почему Италия, при расцвете наук и искусств в ней, остается раздробленной на мелкие княжества:

Вы, итальянцы, нечего сказать,

Одарены великим разуменьем

Во всех делах мирских; но отчего

Не можете земли своей устроить

В единый государственный состав? [\[20, с. 194–195\]](#)

Фиораванти объясняет это тем, что Италия — страна художников и ученых: «Художник — царь // В волшебном царстве чувства и мысли, // Но в земском деле малый человек» [\[20, с. 195\]](#). Он говорит, что Италии уже не стать великой, как было в период Римской империи: «силы государственной ядро» раскололось и в ивернях (осколках) блесит. Иоанн спорит: «Русь была // При Ярославе сильным государством, // И так же как ядро разорвалась // На иверни, на множество уделов» [\[20, с. 197\]](#). Он вспоминает нашествие монголов и «раздор междоусобный», после которых только спустя несколько веков удалось «державный образ государства вылить». Фиораванти отвечает:

При Ярославе красовалось только

Младенчество народа твоего.

Суровая судьба остановила

Дальнейшее развитие свежих сил,

И Русь под ней, как озимь под снегами,

Сохранная лежала в долгом сне.

Народная таилась самобытность

В святых дарах креста — и твой народ

Со скаредной Ордою не смешался.

России государственная жизнь

Во чреве смут и зол междоусобных

Невидимо и тайно зачалась [\[20, с. 197\]](#).

Упоминает Фиораванти и о «Москве — третьем Риме», и о позднейшей легенде о кровном родстве московских великих князей с римским императором Августом. В ответ Иоанн произносит монолог, отдаленно напоминающий монолог Бориса Годунова из пушкинской трагедии («Достиг я высшей власти...»):

Я заложил на вечных основаниях

Святое зданье царства моего —

И будет мой народ велик и вечен,

Но *дорого* мне стоит мой народ!..

Я сердцем влекся к людям в дни молодые

И с ними братски жизнь делить хотел.

Уразумев властительскую тайну,

Я сердце скиптром царственным пронзил,

Уединился в хладное величье,

В неумолимость душу заковал,

Обожествил особу венценосца,
Небесным громом взор вооружил,
Вокруг себя поставил страх и трепет —
И создал Русь... И с твердостью для
Пожертвовал и братьями родными...

Как тяжело в великих мужах быть! [\[20, с. 199\]](#)

(Ср. в другом месте у Пушкина: «Тяжела ты, шапка Мономаха!» [\[14, с. 49\]](#)).

Пушкин, по-видимому, высоко оценивал этот фрагмент с размышлениями об историческом возвышении Руси и природе государственной власти, поэтому и напечатал его в «Современнике». Не последнюю роль в этом сыграли и заметные переклички новой трагедии Розена с «Борисом Годуновым».

Интерес Пушкина к драматургии Розена подтверждается дневниковой записью поэта, сделанной 2 апреля 1834 г.: «Кук<ольник> пишет Ляпунова. Хомяков тоже. Ни тот, ни другой не напишут хорошей трагедии. Барон Розен имеет более таланта» [\[16, с. 323\]](#). Хотя существует предположение Г. А. Гуковского, что имя Розена упоминается здесь в сатирическом ключе («даже барон Розен имеет более таланта») [\[7, с. 74\]](#), у нас нет оснований считать свидетельство Пушкина двусмысленным. Например, известно, что в пушкинской библиотеке хранился подаренный Розеном экземпляр трагедии «Россия и Баторий», и Пушкин делал в нем пометы. Так, он отчеркнул на полях рассказ Ивана Грозного о предательстве Курбского [\[5, с. 247–248\]](#). В трагедии «Петр Басманов», тоже подаренной Пушкину сочинителем, великого поэта живо интересовала «побежденная трудность»: Розен написал трагедию о Смутном времени, обошедшись без фигуры Лжедмитрия в списке действующих лиц [\[21, с. 279–281\]](#). Розен, несомненно, интересовал Пушкина как оригинальный исторический драматург, обращавшийся к эпохе собирания единого русского государства («Россия и Баторий», «Дочь Иоанна III») и к истории Смуты («Петр Басманов»). Не исключено, что к драмам Розена, вдохновленным «Борисом Годуновым», Пушкин мог относиться так же, как к некоторым его лирическим опытам: воспринимать их как «отдаленный черновик собственных будущих творений» [\[1, с. 164\]](#).

В письме к Пушкину от 13 декабря 1836 г. Розен упоминает два стихотворения, о которых он имел разговор с Пушкиным. Вероятно, они тоже предназначались для «Современника», но так и не были в нем напечатаны. Характер отношений Розена с великим поэтом в этот момент позволяет считать, что активное сотрудничество барона в «Современнике» продолжилось бы и в следующем году, но внезапная дуэль и смерть Пушкина прекратили дружескую связь. Вместе с ней оборвались почти все связи Розена в пушкинском кругу. В «Современнике», издававшемся друзьями Пушкина, материалы Розена не публиковались.

Библиография

1. Архангельский А. Н. В тоске по контексту (От Гаврилы Державина до Тимура Кибирова) // Архангельский А.Н. У парадного подъезда: Литературные и культурные ситуации периода гласности (1987–1990). М.: Сов. писатель, 1991. С. 158–214.
2. Вацуρο В. Э., Гиллельсон М. И. Сквозь «умственные плотины». М.: Книга, 1986.

3. Вацуро В. Э. Розен Егор (Георгий) Федорович // Русские писатели. 1800–1917: Биографический словарь. Т. 5. М.: Сов. энциклопедия, 2007. С. 341–344.
4. Вацуро В. Э. «Северные цветы». История альманаха Дельвига – Пушкина // Вацуро В. Э. Избранные труды: Языки славянской культуры. М., 2004. С. 3–222.
5. Гессен А. И. «Все волновало нежный ум...»: Пушкин среди книг и друзей. М.: Наука, 1965.
6. Гиллельсон М. И. Пушкинский «Современник» // «Современник», литературный журнал, издаваемый А.С. Пушкиным. Приложение к факсимильному изданию. М.: Книга, 1987. С. 3–42.
7. Гуковский Г. А. Пушкин и проблемы реалистического стиля. М.: ОГИЗ, 1948.
8. Из бумаг Степана Петровича Шевырева // Русский архив. 1878. № 5. С. 47–87.
9. Литературное наследство. Т. 4–6 [И. В. Гете]. М.: Изд-во Академии наук СССР, 1932.
10. Литературное наследство. Т. 58 [Пушкин. Лермонтов. Гоголь]. М.: Изд-во Академии наук СССР, 1952.
11. Никитенко А.В. Дневник. Т. 1. 1826–1857. Л.: Гослитиздат, 1955.
12. Охотин Н. Г., Ранчин А. М. Кукольник Нестор Васильевич // Русские писатели. 1800–1917: Биографический словарь. Т. 3. М., 1994. С. 212–215.
13. Пиксанов Н. К. Несостоявшаяся газета Пушкина «Дневник» (1831–1832) // Пушкин и его современники: Материалы и исследования / Комис. для изд. соч. Пушкина при Отд-нии рус. яз. и словесности Имп. акад. наук. СПб., 1907. Вып. 5. С. 30–74.
14. Пушкин А. С. Полное собрание сочинений: В 16 т. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1937–1959. Т. 7. Драматические произведения. 1948.
15. Пушкин А. С. Полное собрание сочинений: В 16 т. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1937–1959. Т. 11. Критика и публицистика, 1819–1834. 1949.
16. Пушкин А. С. Полное собрание сочинений: В 16 т. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1937–1959. Т. 12. Критика. Автобиография. 1949.
17. Пушкин А. С. Полное собрание сочинений: В 16 т. М.; Л.: Изд-во АН СССР. Т. 15. Переписка, 1832–1834. 1948.
18. Пушкин А.С. Полное собрание сочинений: В 16 т. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1937–1959. Т. 16. Переписка, 1835–1837. 1949.
19. Письма Розена Егора Федоровича к Киреевскому Ивану Васильевичу с приложением перевода стихотворения В. Гете «Баядера» // РГАЛИ. Ф. 236. Оп. 1. Ед. хр. 127.
20. Розен Е. Ф. Иоанн III и Аристотель (Из трагедии «Дочь Иоанна III») // Современник. 1836. Т. II. С. 194–205.
21. Розен Е. Ф. Из статьи «Ссылка на мертвых» // А.С. Пушкин в воспоминаниях современников. Т. 2. М.: Худ лит-ра, 1974. С. 271–278.
22. Розен Е. Ф. О рифме // Современник. 1836. Т. I. С. 131–154.
23. Фризман Л. Г. Иван Киреевский и его журнал «Европеец» // «Европеец», журнал И. В. Киреевского. 1832 / изд. подг. Л. Г. Фризман. М.: Наука, 1969 (Литературные памятники). С. 385–479.

Результаты процедуры рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Представленная на рассмотрение статья «Е. Ф. Розен в пушкинском "Современнике"», предлагаемая к публикации в журнале «Litera», несомненно, является актуальной, ввиду обращения к вопросу роли авторов, входящих в журнал «Современник».

В рецензируемой статье автор делает попытку подробнее рассмотреть предысторию и характер сотрудничества Розена в «Современнике», особое внимание уделяя взаимоотношениям Розена с Пушкиным.

Статья является новаторской, одной из первых в российской филологии, посвященной исследованию подобной тематики в 21 веке. В статье представлена методология исследования, выбор которой вполне адекватен целям и задачам работы. Все теоретические измышления автора подкреплены практическим материалом на русском языке. Из текста статьи не совсем ясен практический материал исследования, а именно автор не указывает объем отобранного языкового корпуса, методологию выборки и принципыбора.

В статье представлена методология исследования, выбор которой вполне адекватен целям и задачам работы. Автор обращается, в том числе, к различным методам для подтверждения выдвинутой гипотезы. В статье также используются общелингвистические методы наблюдения и описания. Совокупность методов позволила систематизировать наработки предшественников и описать эмпирические данные. Данная работа выполнена профессионально, с соблюдением основных канонов научного исследования. Исследование выполнено в русле современных научных подходов, работа состоит из введения, содержащего постановку проблемы, основной части, традиционно начинающуюся с обзора теоретических источников и научных направлений, исследовательскую и заключительную, в которой представлены выводы, полученные автором. Отметим, что в вводной части слишком скудно представлен обзор разработанности проблематики в науке.

Библиография статьи насчитывает 23 источника, среди которых теоретические работы исключительно на русском языке. Считаем, что обращение к трудам зарубежных исследователей по заявленной проблематике, несомненно, обогатило бы работу. К сожалению, в статье отсутствуют ссылки на фундаментальные работы, такие как монографии, кандидатские и докторские диссертации. В общем и целом, следует отметить, что статья написана простым, понятным для читателя языком. Опечатки, орфографические и синтаксические ошибки, неточности в тексте работы не обнаружены. Высказанные замечания не являются существенными и не влияют на общее положительное впечатление от рецензируемой работы. Работа является новаторской, представляющей авторское видение решения рассматриваемого вопроса и может иметь логическое продолжение в дальнейших исследованиях. Практическая значимость определяется возможностью использовать представленные наработки в дальнейших тематических работах в области отечественного литературоведения. Результаты работы могут быть использованы в ходе преподавания филологических дисциплин на профильных факультетах. Статья, несомненно, будет полезна широкому кругу лиц, филологам, магистрантам и аспирантам профильных вузов. Статья «Е. Ф. Розен в пушкинском "Современнике"» может быть рекомендована к публикации в научном журнале.